

От редакции

На официальном сайте Д. Кабалеvского, посвящённом его жизни и творчеству, – www.Kabalevsky.ru – в разделе под названием «Воспоминания» можно прочитать воспоминания Дмитрия Кабалеvского о самом себе. Композитор написал их в год своего семидесятилетия, уже тяжело болея астмой и часто попадая в больницу. Вероятно, именно из-за плохого самочувствия в сочетании с невероятной занятостью он не закончил эти любопытнейшие записки. Но Дмитрий Борисович всегда оглядывался на свою жизнь с большим чувством юмора. В «Воспоминаниях» есть один абзац, в котором он описывает один из школьных вечеров, организованных им самим и его другом и коллегой по школьной «семерке» Олегом Воротынским. Это всего несколько строк, но к счастью, у сына Дмитрия Борисовича сохранилось целых 28 открыток, которые он получал от отца ежедневно в течение декабря 1942 года и начала января 1943 года, живя в эвакуации под Свердловском. В них Дмитрий Борисович со множеством деталей и подробностей описывает тот самый случай. К великому нашему сожалению, предваряющая все двадцать восемь, самая первая открытка, которая по логике последующих, должна быть датирована первым декабря, не сохранилась. Но мы взяли на себя смелость предположить, что в ней могло быть написано что-то вроде: «Дорогой Юраша, чтобы ты не слишком скучал, живя так далеко, я решил рассказать тебе одну очень смешную историю, которая приключилась со мной давно-давно, когда я ещё учился в школе...»

Мы надеемся, что вы, наши читатели, получите от чтения этих открыток удовольствие не меньше, чем в своё время маленький Юра, а потом и мы – редакция журнала.

Письма Д.Б. Кабалеvского к сыну Юрию

Многолетняя и многогранная профессиональная деятельность моего отца хорошо известна – композитор, дирижёр, исполнитель своих произведений, просветитель, доктор искусствоведения, автор и ведущий вечеров «Ровесники», автор новой программы по преподаванию музыки в школе, секретарь Союза композиторов СССР, Герой Социалистического труда, трижды Лауреат Государственной (Сталинской) премии, депутат Верховного Совета СССР... А сколько им было написано книг! «Прекрасное пробуждает добро», «Дорогие мои друзья», «Про трёх китов и про многое другое» – это только то, что приходит на ум сразу, без уточнений названия. Мало кто знает, что и кандидатская, и докторская степени были присуждены отцу с формулировкой «по совокупности опубликованных работ», то есть без написания и защиты диссертаций. Это говорит само за себя.

Однако я решил предложить опубликовать в журнале нечто, что носит сугубо личный характер, – открытки, которые я получал от отца в эвакуации. В них он описывает просто один из эпизодов своей школьной жизни, но делает это так смешно и с упоминанием таких деталей, что описание это превращается в неповторимый рассказ. Конечно, что-то немного утрировалось, – ведь основной задачей этих открыток было развеселить меня, совсем маленького, вырванного войной из привычной размеренной жизни. И тем не менее... Мне хотелось бы, чтобы все, кто читает этот эпистолярный опус Дмитрия Борисовича Кабалеvского, смогли хотя бы в самой малой степени представить себе его «изнутри», ощутить его не как известного во всём мире музыканта, а как простого и очень весёлого человека, моего отца.

Ю.Д. Кабалеvский

Открытка 1ая

2 XII 42

Я учился тогда в 8-м классе школы. Был у меня большой товарищ Олесь Воротынский (впоследствии — известный фотограф. — Ю.К.). Зимой, когда кончились зачёты за 1-ое полугодие, мы с ним, как руководители драмкружка решили поставить спектакль. Задумали поставить две пьесы: одну грустную и одну весёлую. Я был всегда большим весельчаком, а Олесь, наоборот, всегда ходил с таким лицом, как будто только что проглотил целую банку горчицы. Но вот почему-то (такие ошибки часто случаются в жизни) я решил поставить пьесу грустную, а Олесь — весёлую. Это была роковая ошибка, и отсюда начались все наши неприятности.

ПРОСМОТРЕНО
Военной Цензурой
Москва

135

У-22

К В А

Открытка 2ая

3 XII 42

Я выбрал для постановки пьесу знаменитого русского писателя Куприна «Клоун», а Олесь — весёлую пьеску какого-то неизвестного автора «Именины Леночки». В пьесе «Клоун» показано, как старый цирковой клоун должен выходить на арену и смешить своими кривляниями публику в то время, как его сын — цирковой гимнаст — только что разбился насмерть, сорвавшись с трапеции из-под купола цирка. Это — настоящая трагедия. В «Именинах Леночки» шутники подлили имениннице в вино касторки и этим испортили ей весь праздник. Это — настоящая комедия. Но неудовлетворившись тем, что мы стали режиссёрами, мы с Олесем решили выступить и в качестве актёров-исполнителей главных ролей, каждый в своей пьесе. Это была наша вторая и самая роковая ошибка.

Открытка 3ая

4 XII 42

Итак, я решил стать режиссёром пьесы «Клоун» и исполнить в ней главную роль — клоуна, а Олесь решил стать режиссёром пьесы «Именины Леночки» и исполнить в ней главную роль — шутника, который затеял историю с касторкой. Мы с ним приступили к обдумыванию постановки и к распределению ролей. Охотников нашлось среди наших школьных товарищей и друзей даже больше, чем требовалось. Пришлось многим отказать. Те, конечно, обиделись, рассердились на нас и, таким образом, уже в самом начале работы у нас появились враги, которым страшно захотелось, чтоб наш спектакль провалился. Однако мы с Олесем убедили друг друга в том, что мы с ним великие актёры и успех нашего театрального предприятия, казалось нам, лежит у нас в кармане. Мы были слишком самонадеянны и поплатились за это жестоко.

ПРОСМОТРЕНО
Военной Цензурой
Москва

179

Открытка 4ая

5 XII 42

Началась горячая пора. Все роли были разучены наизусть. Утром мы устраивали репетиции. Днём общими усилиями мастерили декорации из старых тряпок, досок и бумаги. Потом бегали по друзьям, собирая всякое добро, из которого можно было соорудить костюмы, парики и грим. А вечером, перед тем, как расстаться, мы с Олесем долго беседовали о том, как все признают в нас замечательных актёров. Репетировали мы в соседних классах. Из-за одной двери доносились страшные вопли, похожие на те звуки, которые издают коровы на бойне, почувствовав, что их сейчас будут резать. Это я репетировал свою роль. Я был уверен, что от этих звуков публика в зале будет плакать горькими слезами.

Открытка 5ая

6 XII 42

Из-за другой двери раздавались ещё более страшные звуки. Можно было подумать, что там, по меньшей мере, десять человек умирает от неудержной икоты. Это Олесь репетировал свою роль, полагая, что издаваемые им звуки есть ничто иное, как страшно весёлый смех, от которого публика в зале будет в изнеможении хохотать сама. Изредка мы показывали свои достижения друг другу и оба оставались очень довольны. Наши партнёры — товарищи и подруги — игравшие другие роли старались изо всех сил быть грустными, когда я издавал свои вопли и быть весёлыми, когда Олесь истошно икал. Это были хорошие товарищи и честные актёры. Они хорошо старались, и иногда им удавалось достигнуть неплохих результатов.

Открытка 6ая

7 XII 42

Однажды, это было за два дня до спектакля, нас едва не постигла катастрофа. Мы решили устроить генеральную репетицию. Когда все актёры, участвовавшие в обеих пьесах, собрались в классе, где мы репетировали — мы с Олесем решили запереть дверь, чтоб нам никто не мешал. Однако ключа от двери не оказалось. Это нас не смутило и мы дружными общими усилиями устроили в дверях мощную баррикаду из парт и стульев. Всё было в порядке и репетиция началась. Всё получалось отлично. Но когда я, узнав от директора цирка о случившемся несчастье, стал издавать свои ужасные, душевраздирающие вопли, раздался стук в дверь. «Не мешайте нам работать», — закричал я ещё более страшным голосом. Стук повторился ещё и ещё. «Мы пожалуемся директору школы», — закричал Олесь, и в этот миг от сильного рывка баррикада со страшным грохотом рухнула и дверь отворилась.

Открытка 7ая

8 XII 42

В дверях, среди развалившихся парт и стульев стоял директор школы. У него был такой грозный и величественный вид, что Олесь, только что грозивший «пожаловаться директору», остался стоять с открытым ртом, а я почувствовал, как у меня что-то тихо булькнуло в горле — это был, вероятно, очередной, уже приготовленный, но ещё не изданный клоунский вопль. «Что это значит?» — угрожающе спросил директор. Мы молчали. «Я спрашиваю, что это значит?» — ещё более угрожающим тоном повторил директор свой вопрос. «Ре-пе...», «Пе-пе...», «Пе-ти...», «Ти-ти...», жалобно бормотали мы с Олесем, забыв о том, что мы великие актёры и превратившись в струсивших школьников. «Репетиция... клоуны... Леночка...» — пояснил один мальчик похрабрее. «Репетиция?» — сказал директор. — А уже парты ломаете? Этак вы на спектакле всю школу перевернёте! Запрещаю и отменяю ваш спектакль».

Открытка 8ая

9 XII 42

Прежде, чем мы успели довести до сознания — какое стряслось с нами несчастье — директор вышел из класса также стремительно и неожиданно, как и появился в нём. Несколько секунд спустя мы уже обсуждали (теперь уже шёпотом!) создавшееся положение. А ещё несколько секунд позже мы с Олесем уже стояли перед директором в его кабинете. Преодолев смущение, я начал свою речь: «Иван Григорьевич (так звали директора), извините нас, пожалуйста!». Иван Григорьевич посмотрел на нас ещё суровым, но уже чуть-чуть добрым взглядом. «Иван Григорьевич, ведь правда, что у нас с Олесем по всем предметам «отлично»?» — продолжал я. Иван Григорьевич кивнул головой. «Ведь правда, у нас по поведению тоже «отлично»? Ведь правда, мы хорошо выполняем свою общественную работу?» Тут уж глаза Ивана Григорьевича стали совсем добрыми, потому что вообще он был хоть и строгим, но очень справедливым и добрым директором. А нас с Олесем он любил не только за то, что мы хорошо учились, но и за то, что всегда помогали ему во всех школьных делах. «Ну, вот что, друзья мои», — сказал он.

Открытка 9ая

10 XII 42

«Вы хорошие школьники и славные ребята. Вы подняли на своей репетиции невообразимый шум и едва не переломали в классе все парты и стулья. Это очень плохо. Но вы сами это поняли, и я не хочу омрачать ваши каникулы. Обещайте мне в дальнейшем репетировать без такого шума, а я уж приду на ваш спектакль — готовьте его получше. Мне ребята говорили, что вы хорошие актёры!» Мы с Олесем, довольные и счастливые, переглянулись: «Ага, все начинают понимать, что мы великие актёры!..» Радостно поблагодарив Ивана Григорьевича, мы опрометью бросились к своим друзьям, которые с волнением ждали окончания наших переговоров. Мы рванулись с места так стремительно, что я, конечно, зацепился за угол печки и только каким-то чудом удержался на ногах, едва не растянувшись тут же на глазах Ивана Григорьевича. Но Иван Григорьевич уже не сердился. Ведь он нас любил, а мы были всё-таки хорошие и весёлые школьники.

Открытка 10ая

11 XII 42

Итак, недоразумение было улажено. Репетиции благополучно продолжались. Настал долгожданный день. В школе висели большие афиши, обещавшие зрителям много интересного. После спектакля был объявлен концерт, а после концерта — танцы. Все приготовления были закончены. Декорации и костюмы были сделаны, как нам казалось — замечательно. Перед сценой висел розовый занавес, раздвигающийся при помощи двух верёвок. Спектакль был назначен в шесть часов, но мы с Олесем с раннего утра были уже в школе и проверяли все мелочи. Ночь накануне этого дня мы, конечно, не спали. Наконец, сбегав домой пообедать, и, вернувшись в школу к четырём часам, мы застали всю труппу в сборе. Не было только Ляли Добрушина, игравшего в «Клоуне» директора цирка. Я был в отчаянии!

Открытка 11ая

12 XII 42

До начала спектакля оставалось около часу, но Добрушин не появлялся. Все актёры были в костюмах и гриме. Они смотрели на меня так, как будто я мог предотвратить эту новую, нависшую над нами опасность катастрофы: ведь если Добрушин не придёт — спектакль придётся отменять. При одной мысли об этом я вспотел так, что капли, крупные капли, текли по моему лицу, густо покрытому клоунским гримом. В зале, отделённом от нас розовым занавесом, шумели зрители, нетерпеливо ожидавшие начала спектакля. До назначенного срока оставалось двадцать минут. Я почувствовал как пот струйками потёк из-под моего рыжего парика. От волнения я хватался всё время за лицо и так размазал весь грим, что трудно было разобрать на нём: где нос, а где глаза. Оставалось пять минут. Вдруг кто-то крикнул: «Ляля пришёл!» Это было верно. Наконец пришёл Ляля. Но когда я взглянул на него, моим глазам представилась страшное зрелище.

Открытка 12ая

13 XII 42

Чёрная полоса пластыря пересекала Лялину щёку от левого уха до уголка губ. По обе стороны её виднелись следы запёкшейся крови. Глаза у Ляли были грустные и виноватые. Он боялся говорить, так как когда сильно раскрывал рот — пластырь отклеивался и из раны начинала капать кровь. Я был в ужасе от этого зрелища. Что случилось? Кто посмел наброситься и ранить так жестоко нашего товарища? Две фразы, сказанные Лялей одной лишь правой половиной рта (он как-то быстро приспособился разговаривать так, что двигалась одна правая часть губ), сразу всё разъяснили. Бритва! О, ужас! Ляля, с того, кажется, момента, как родился на свет, мечтал о том, как он впервые в жизни наконец побреется. И надо же было ему попробовать это сделать за час до нашего спектакля. Побриться он не побрился, так как и бороды-то у него не было, а щёку разрезал так, что едва соединил обе половинки вместе.

(Продолжение следует)